

2. Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989.
3. Козлов Ю.А. Русские родовые фамилии // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 1999. Вып. 1 (10). Серия: Философия, история.
4. Козлов Ю.А. Из истории русских родовых фамилий // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2000. Вып. 7 (23). Серия: Философия, культурология.
5. Словарь имен. М., 1998.
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Репринтное воспроизв. издания 1903–1909 гг. / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртене. М., 1994.
7. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988.
8. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. Ростов н/Д, 1996.
9. Античная культура. Литература, театр, искусство, философия, наука: Словарь-справочник / Под ред. В.Н. Ярхо. М., 1995.
10. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь: ок. 50 000 слов. 3-е изд., испр. М., 1986.
11. Никонов В.А. Словарь русских фамилий / Сост. Е.Л. Крушельницкий. М., 1993.
12. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М., 1994.
13. Унбегаун Б.О. Русские фамилии / Пер. с англ. Под общ. ред. Б.А. Успенского. М., 1989.
14. Немировский А.И. Этруски. От мифа к истории. М., 1988.
15. Старостин С.А. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.
16. Рыбаков Б.А. Мир истории. Начальные века русской истории. 2-е изд. М., 1987.
17. Козлов Ю.А., Ильинских Н.Н. Медицинские родовые фамилии России. Томск, 2001.

О.Н. Мухин

О НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СИНТЕЗА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Томский государственный педагогический университет

Эпохи, которые принято называть переходными и для которых сейчас используется еще один термин – «горячее время», т.е. периоды особо бурного протекания исторических процессов, всегда представляли особый интерес для исследователей. В последние десятилетия, которые для России стали таким «горячим» временем, этот интерес становится особо актуальным, причем не только в нашем обществе, но, с оговоркой, можно сказать, и в западном. При этом современных исследователей сегодня в особой степени интересует роль государства, властных структур и институтов как главных агентов переходных исторических состояний.

Именно таким «горячим» периодом в истории западной цивилизации было раннее средневековье. Отечественная медиевистика накопила богатый опыт анализа процессов, связанных с генезисом феодального общества. Однако сфера политической жизни, особенно государства как «автора», участника и одновременно «зависимого лица» образования раннесредневековой цивилизации, в современной историографии (особенно в 60–80-е гг.) оказалась на периферии научных исследований. Отчасти сказался упрощенно воспринятый советской наукой марксизм – основное внимание уделялось экономическому базису, отчасти тот факт, что имеющийся багаж не позволял работать над темой по-новому, так, как это видится с позиций сегодняшнего дня науки, оснащенной междисциплинарными технологиями исследования.

Очередное обращение к неоднократно рассматривавшимся вопросам имеет смысл при использовании новейших подходов, позволяющих взглянуть на них в новом, более продуктивном ракурсе. Одной из наиболее перспективных магистральных тенденций в современной историографии является антропологизация исторических исследований, т.е. постановка человека в центр истории. Зачинателем антропологического поворота стала знаменитая французская школа «Анналов». Суть антропологического сдвига состоит в попытке рассматривать историю, общество через личность, имея в виду, что личность – это не только набор уникальных индивидуальных психолого-культурных и интеллектуальных характеристик, но и средоточие всех политических, социальных и культурных отношений. О том, что это направление становится ныне приоритетным, свидетельствует появление в отечественной историографии целого ряда работ, написанных в данном русле. Здесь можно сослаться прежде всего на серию сборников «Одиссей», «Казус» и в том числе на работы историков Томского государственного университета [1].

Однако сама по себе антропологическая переориентация исследований недостаточна. Думается, сегодня остро встала проблема ее сочетания с другими методами. И в этом смысле методологически перспективной видится установка на сопряжение макро- и микроуровня исторического знания. Замечу, что именно эта проблематика, если говорить о

методологической стороне вопроса, является одной из наиболее дискуссионных в современной науке [2]. Действительно, вопрос о приоритетной значимости для исторической науки изучения масштабных объектов и процессов, как-то: история целых государств, цивилизаций, феодализации или нарастания капиталистического уклада и т.п., или отдельных личностей и регионов (вплоть до деревень) весьма сложен. Увлечение микроисторией грозит распылением историографии на громадную массу рыхлого материала, но и макроистория как таковая во многом исчерпала себя, что отчасти и явилось причиной нынешнего кризиса исторической науки. Отсюда назревшая актуальность попыток совместить два этих направления. Как отмечает Ю.Л. Бессмертный, микроисследования могут приблизить нас к пониманию процессов, обычно воспринимаемых на базе «средних» характеристик (присущих всему в целом и ничему в отдельности) [3, с. 11].

Обозначенный метод, как мне представляется, может стать практически универсальным. Если иметь в виду попытки современной науки создать обобщающие картины в духе «всемирной истории» XIX в., то сегодня уже невозможно говорить о серьезном историческом синтезе. Следует понимать необходимость видения значимости «больших» процессов как значимость их «малых» составляющих, вариативность этих процессов. Это влечет за собой использование других методов и материала из смежных областей знания. Кроме того, такой подход, пожалуй, наиболее «честный» на современном этапе развития историографии. Следует признать, что он не дает четкой единой исторической картины, так как в его рамках не отбрасываются, но по возможности примиряются различные свидетельства, которые вне данного метода могут служить основой противоположных концепций. Однако это без сомнения способствует приближению к исторической достоверности. Очевидно, что нельзя подходить к построению исторических концепций с чисто математической точки зрения, выбирая тот путь, в пользу которого говорит простое большинство имеющихся фактов — ведь исследователь никогда не может поручиться, что обладает всей полнотой свидетельств «за» и «против». Хочется думать, что времена упорных споров между сторонниками различных взглядов прошли, уступив место более продуктивному поиску точек соприкосновения. Если за различные концепции говорит значительное количество свидетельств, все они имеют право на существование, и современный исследователь должен, внимательно пересмотрев накопленный материал, научиться пользоваться всем имеющимся в распоряжении инструментарием. В этом и суть и польза обозначенного метода: те или иные масштабные явления и процессы про-

веряются самыми различными, подчас противоречивыми и спорными, но занявшими свое место в анналах истории фактами.

Кроме того, современное состояние исторической науки, для которого характерно отсутствие единой жестко ограниченной методологической схемы, позволяет, помимо выработки новых исследовательских методов и приемов, переосмыслить старые, но все еще не лишённые значения наработки. Одним из таких инструментов, полностью не утративших свое значение, но требующих кардинальной корректировки, является типология зон синтеза римских и варварских традиций, наиболее четкая модель которой разработана А.Р. Корсунским, который на основе этой структуры создал серьезную работу [4]. Здесь выделены три зоны: преобладания романского начала (Италия, Испания, Южная Галлия), умеренного синтеза (Галлия) и бессинтезная (Англия, Скандинавия).

Внимательное изучение конкретных вариантов синтеза в различных регионах Европы показывает, что на самом деле ситуация не вписывается в столь четкую статичную схему. Становится ясно, что сколько стран, столько и вариантов синтеза. Однако не стоит отбрасывать существующую типологию, которая нужна для сохранения единого стержня и отправной точки в исследованиях, тем более что, учитывая масштабность охватываемого материала, она вполне соответствует общей схеме ситуаций в раннесредневековых государствах и, по крайней мере, все региональные особенности вполне возможно вывести из теоретических построений А.Р. Корсунского.

Но признание ценности этой концепции не снимает вопроса о многообразии исторической картины, выявить которую возможно лишь при соотношении знания макропроцессов с результатами тех внешне незначительных, но по сути глубинных подвижек, происходивших в конкретных местах с конкретными действующими лицами и запечатленных пусть в редких, но необычайно важных исследованиях локального или микроуровневого характера.

Следует отметить, что ряд особенностей отечественной историографии дает возможность предполагать большую плодотворность использования методологического синтеза именно в ее рамках. Есть основания полагать, что при определенных условиях именно здесь возможно наметить выход из общемирового кризиса историописания. Наша историография, и прежде всего как раз средневековья, накопила значительный опыт социального анализа кое в чем, и это нельзя отрицать. Усиленный марксизмом опыт позволяет отечественным исследователям всегда видеть за мелкими частными вопросами, анализом которых часто занимаются западные коллеги, уровень серьезного обобщения.

При этом нельзя забывать и наличие в отечественной историографии положительного опыта критического анализа западной литературы с ее новациями. Во многом именно в силу длительной «замороженности» новаторских поисков в нашей исторической науке сейчас она переживает небывалый подъем активности таких поисков, тогда как западной историографии больше свойственна постепенность развития, «почивание на лаврах» имеющихся достижений и отсюда даже большая растерянность перед лицом кризиса. При всем этом хочу заметить, что обозначенная мной возможность является лишь потенциальной при определенных благоприятных условиях, но ни в коем случае нельзя говорить, к сожалению, что такой прорыв уже имеет место.

Одна из основных задач при изучении властных отношений раннего средневековья заключается, на мой взгляд, в попытке по-новому взглянуть на механизмы трансформации политических институтов и структур раннего средневековья в контексте проблемы синтеза римского и варварского укладов, имея в виду, что все они оформляются в плотном взаимодействии экономических, культурных, географических и иных обстоятельств развития, дабы обозначить те, по словам Ю.Л. Бессмертного, «линии разрыва», которые вырисовываются в сопоставлении макропроцессов и знания, появляющегося в результате анализа уникальных политических событий, явлений, идей [3, с. 17].

Постараюсь одним из самых ярких примеров проиллюстрировать все основные особенности обозначенного подхода, а именно — сопряжение микро- и макроуровня исследования в соединении с антропологизацией и типологическим подходом, и отчасти некоторые преимущества отечественной медиевистики перед западной. Материал, касающийся королевской власти Северной Европы, и прежде всего Англии, показывает ряд своеобразных черт варварского региона. Начну с интересного сообщения о судьбе короля Восточной Англии Сигиберта. Этот король принял христианство и согласно новому статусу, статусу пастыря и христианина-миротворца, вышел на поле битвы перед сражением с посохом [5, с. 113]. Народ же заставил его выполнять функции воина. Здесь и проявляется задача поиска соотношения традиционного консерватизма и способности к новаторству, что укладывается в рамки обозначенного процесса поиска соотношения «средних» характеристик (традиционность, консерватизм средневекового общества) и единичными событиями, которые позволяют констатировать возможность коренных перемен в довольно короткий срок. Причем это была собственная интерпретация Сигибертом статуса христианского короля — большинство других правителей того времени отнюдь не брезговали войной. Воз-

можно, здесь проявилась как раз типологическая специфика английского региона, заключающаяся в исключительном явлении королей, добровольно оставлявших королевство ради религиозной жизни.

Согласно списку Беды, приводимому К. Стэнклифф, шесть англосаксонских королей ушли в монастырь, пять предприняли пожизненное паломничество в Рим и еще двое собирались это сделать [6, с. 156]. В других западноевропейских странах такое явление в столь массовом порядке не фиксируется. Сама К. Стэнклифф объясняет это прежде всего влиянием ирландской христианской традиции, оказавшей наибольшее воздействие именно на Англию. В Ирландии подобные случаи часто имели место до, во время и после английских аналогов. Как отмечает К. Стэнклифф, если на континенте политическая традиция во многом исходила из классических воззрений на политическую активность, восходивших к грекам, то в Ирландии основой прежде всего была Библия [6, с. 173]. Подобное явление «уклонившихся» королей прекращается в Англии во времена Оффы, когда превалирующим стало влияние Франции с ее воззрениями на короля как христианского лидера [6, с. 175].

Теперь обратимся к отечественной историографии. Продуктивность антропологических исследований в данной специфической проблематике иллюстрирует работа М. Омельницкого. Он исследует и сравнивает два источника, отражающих и христианскую и варварскую ментальность, — Житие св. Гутлака и поэму о нем, анализируя в перекрестии двух традиций особенности мышления конкретного человека переломной эпохи. Это пример знатного святого, характерный именно для северного региона: Гутлак принадлежал к древнему королевскому роду и первоначально предавался диким разбоям и грабежам, но затем стал отшельником, чье поведение полностью согласуется с раннесредневековой концепцией монашеского аскетизма [7]. Подобный анализ антропологического характера с учетом типологического разреза рассмотрения позволяет сделать более общие выводы. Отсутствие подобных массовых примеров в других европейских странах наталкивает на мысль, что чем более примитивно общество, тем более в нем нагнетается чувство религиозного, как это и происходило в Англии того периода, и тем более яркие формы приобретают способы религиозной интерпретации окружающей действительности. В данном случае проявляется специфика региона, практически не испытывавшего прямого античного влияния, где ярче проявилась ломка варварской традиции при становлении государственности и при принятии новой религии. Варварские правители англосаксов при восприятии христианского образа мысли и поведения болезненнее, нежели более «гибкие» цивилизованные германцы континентальных королевств,

получивших большую подпитку римского уклада, ощущали разрыв со своим прошлым и реагировали на него со свойственной варварам эмоциональностью, искренне раскаиваясь в своем «нечестивом», «кровавом» прошлом.

Это как раз пример продуктивности сочетания микро- и макроисследований, способной проявиться особенно ярко в свете антропологизации истории – проверка обобщающих построений на основе единичных явлений и не просто явлений, но и су-

деб конкретных людей, причем, что очень важно, людей не однозначно знаковых, а именно знаменитых королей и широко известных исторических деятелей, как это принято в литературе, но, можно сказать, рядовых участников исторического процесса, что делает историческую картину более полной и близкой к исторической достоверности, а это и есть основная задача историков и основной камень преткновения в современной историографической и методологической ситуации.

Литература

1. К новому пониманию человека в истории. Томск, 1994.
2. Одиссей: человек в истории. М., 1995.
3. Бессмертный Л.Ю. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей. М., 1995.
4. Корсунский А.Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963.
5. Chaney W. The Cult of Kingship in Anglo-Saxon England. Berkley and Los Angeles, 1970.
6. Stancliffe C. Kings Who opted Out // Ideal and Reality in Frankish and Anglo-Saxon society. Oxford, 1983.
7. Омельницкий М. Образ святого в англосаксонской литературной и агиографической традиции. М., 1997.